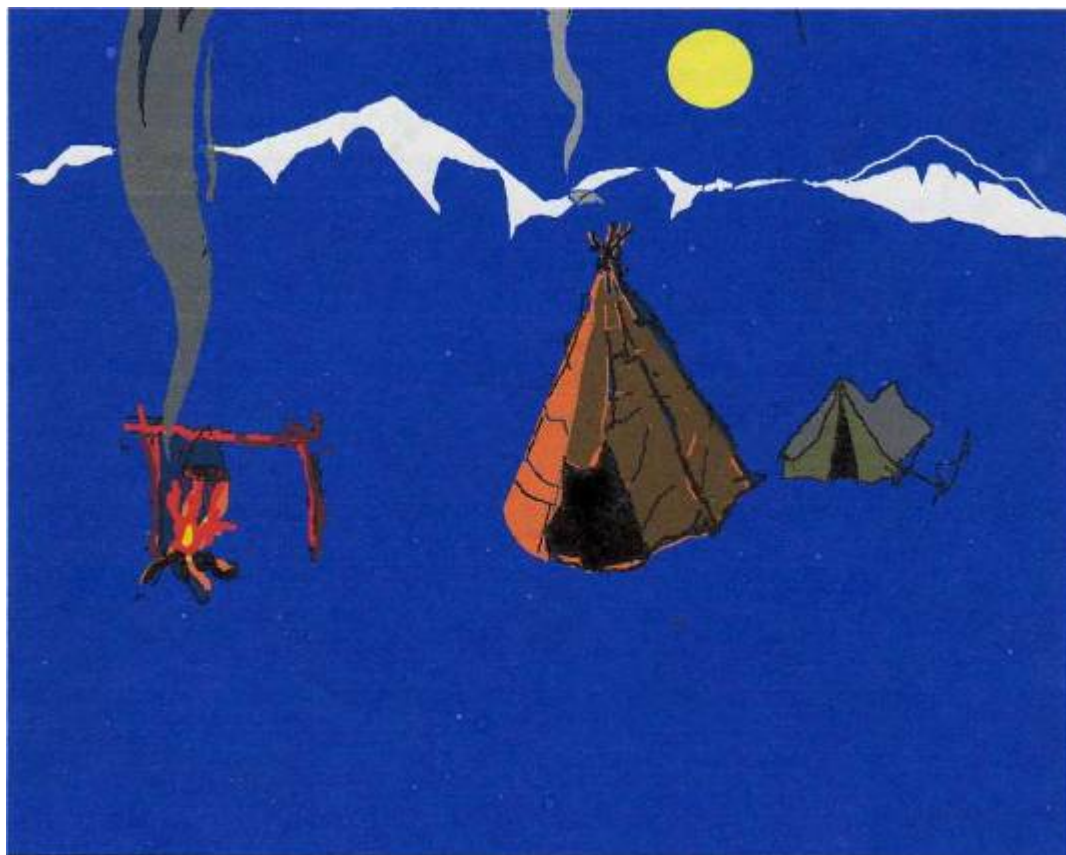

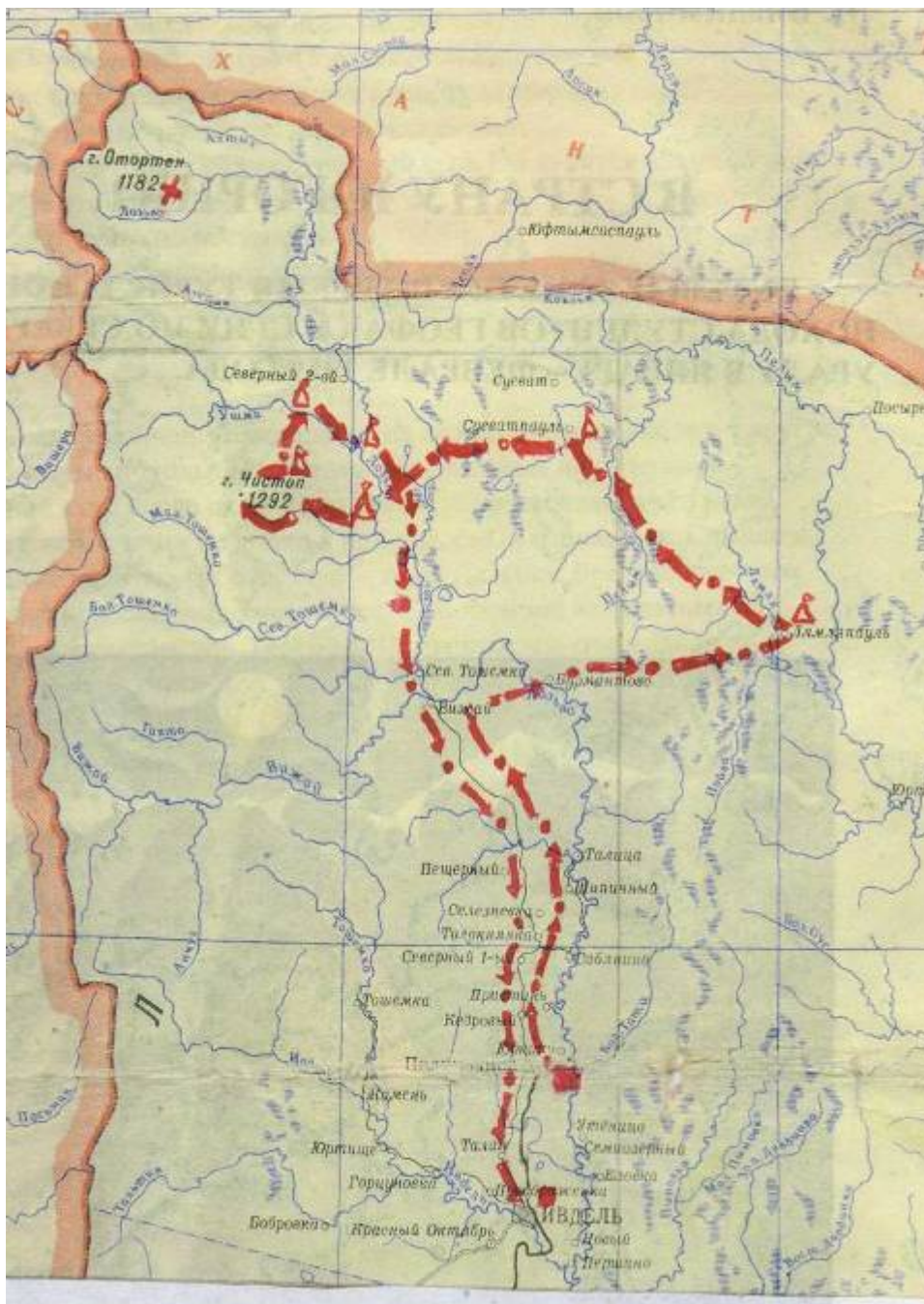
М. Владимиров

В СТРАНУ ЮГОРИЮ

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ВО ВРЕМЯ ТУРИСТСКОГО ПОХОДА СТУДЕНТОВ ГЕОФАКА
СГПИ ПО СЕВЕРНОМУ УРАЛУ В ЯНВАРЕ- ФЕВРАЛЕ 1959 ГОДА.

Тетрадь вторая
КАРТА РАЙОНА ПОХОДА ПО СЕВЕРНОМУ УРАЛУ
Масштаб 1: 6500

Идея лыжного похода принадлежит студенту 4 курса Славе Сердитых:

- А что если на Чистоп - гору? На Конжак идет группа В.

Богомолова с Уралмаша, на Денежкин Камень - команда В. Карелина, на Отортен - группа Игоря Дятлова с УПИ.

- Заодно и завернем в Зауральскую тайгу - познакомимся с жизнью и бытом коренных жителей Урала - манси (вогулов). Пожалуй, нам, будущим географам эти знания пригодятся в будущей работе, - сказал капитан команды Толя Шумков.-Да, и познавательная часть будет связана со спортивной, -согласились мы. Ведь Чистоп немного уступает по высоте Конжаку и Денежкину и даже выше Отортена.

Нам утвердили в Свердловской МКК вторую категорию сложности. В то время было всего три категории сложности. Так что наша «двойка» соответствовала нынешним «тройке» или «четверке». Итак, нас - десять. Толя Шумков, Жора Клейн, Фая Абрамова и я учимся на втором курсе, а остальные - Слава Сердитых, Толя Бураков и четыре девицы - с четвертого курса. Их мы знали не очень хорошо: они ходили в походы параллельно с нами и раньше нас. В общем, не новички в спорте и туризме.

Экипировка команды была скудная. На десять человек всего четыре старых, рваных ватных спальника. Лыжи узкие, спортивные, на ботинках, фланелевые лыжные костюмы, ватные куртки, палатки брезентовые, тяжелые и без печек, гетры вместо «бахил». Правда, валенки, шерстяные шлемы, теплые рукавицы были у всех - собирали «с миру по нитке».

Немного истории края. Название « ЮГРА»или УТРА захватывает обширный район нижнего и

среднего бассейна Оби и ее притоков. Здесь издавна жили племена и народности финно - угорской языковой группы: ханты (остяки), манси (вогулы). Южнее — сибирские татары. Причем, хантов больше по Оби ее крупных притоков, а так же по северной тундре. Ханты по численности намного превосходят манси. Древние племена манси жили не только по восточному склону Урала, но и в Предуралье. Если судить по сохранившимся названиям деревень, речек, вершин, то южная граница расселения этого народа простиралась до широты рек Сылвы, Тагила, Чусовой, Тавды и даже до Вишневых гор. Здесь и сейчас найдешь названия: Вогулка, Вогульский, Вогульская. Под натиском более сильных многочисленных коми - зырян, коми - пермяков, ненцев манси были оттеснены за Урал. А с востока, с Оби теснили ханты.

Часть племен с западного склона Урала двинулась на запад по Восточно - Европейской равнине в Западную Европу и обосновалась в Придунайской низменности, смешалась с местными народами и образовалась венгерская нация и государство. До сих пор венгры сохранили некоторые внешние черты и языковые корни своих прародителей - манси. Сейчас манси живут только в Ханты - Мансийском национальном округе и в Ивдельском районе Свердловской области. Многие из них обрусели, говорят (особенно мужчины) на русском языке, но и сохраняют родной язык. Как и в древние времена манси искусные оленеводы, охотники, рыболовы. Они бережно хранят уклад своей жизни. Живущие в нашей области говорят на Верхнее — Лозьвинском диалекте.

Еще в начале 20 века поселения манси были в бассейне Вагиля, верхнего среднего Пельма, Тавды. Население манси неуклонно вымирает. Осталось всего немного больше 200 человек. На старой карте Свердловской области (1956 год) есть маленький кружочек: Юрта Собянина. Уж не родина ли это нынешнего губернатора Тюменской области Собянина? Что-то в его внешнем облике и чертах лица есть мансийское!

Есть такой поселок - Полуночное.

Да, это самый северный большой поселок городского типа в нашей области. Здесь кончается железная дорога на север. Отсюда начинается наш маршрут на север, в страну Югру. Поселок уютно прилепился к самому восточному склону Уральских гор. Посмотришь налево - голубой каменный пояс горного хребта. Посмотришь направо, Западно-Сибирская равнина уходит за горизонт. Какой это остряк придумал название поселку?! Что-то тоскливое навеивает само название. Да, первым поселенцам, расконвоированным зекам и переселенным сюда во время Второй мировой войны немцам из Поволжья было невесело осваивать этот пустынный горно-таежный край. Но - надо! Стране нужен был позарез марганец - без него не сварить крепкую броню для танков, сверхпрочную сталь для пушек и винтовок.

Спускаемся в марганцевую шахту на экскурсию. Шахта-как шахта угольная: те же низкие мокрые штреки, такие же вагонетки с породой и рудой.

На ночлег остановились в семье Жоры Клейна. В доме чисто, уютно, как и полагается немецкой семье. Самое удивительное - нас угощали арбузами! Это в январе то месяце! Это на Северном Урале то! Вот что значит немецкая предприимчивость! Но пора в путь-дорогу. «Дорога с порога ведет на восток, на запад уходит другая...» А нам пока на север. Наша ближайшая цель-деревня Бурмантово. До нее 60 километров хоть какой-то проселочной дороги, переметенной последним бураном. Но идти по дороге с тяжелыми рюкзаками все же легче-есть полная уверенность, что идешь куда надо. Вот впереди мчится оленья упряжка. В ней стоя управляет человек в малице. Седые волосы развеваются по ветру. Характерные мансийские черты лица.-Паче, рума!-весело горланит мы приветствие. Это весь наш пока мансийский словарь. -Пасе, пасе, - улыбается старик. Почему он ответил «пасе», а не «паче или пачаче»? -спрашиваем мы у Клейна. Он ведь раньше встречался с манси. -А это Верхнее-Лозьвинский диалект. Они говорят «пасе» - здравствуй - а не «паче». А едет он в Полуночное за продуктами.

Через 6 километров нас подстерегла первая неудача. Толя Бураков, съезжая в крутой овраг, умудрился упасть и сломать лыжу пополам. Это в начале то маршрута! А что будет впереди, в горах и в тайге? Была у нас запасная лыжа, мы ее по очереди должны были привязывать к рюкзаку. А теперь что? Она, конечно, мешалась под ногами, но с ней было спокойнее.

Ночевали в небольшом лесоучастке Северном. Избенка, конечно, холодная, но все же лучше палатки.

Деревня Бурмантово расположена на левом берегу Лозьвы. Довольно большая. Здесь живут лесорубы, охотники, рыбаки. Нас разместили в начальной школе. Но при одном условии: мы должны выступить перед ребятами.

-Так какие мы артисты? Мы - туристы!

-Ну и что? Ведь вы будущие педагоги- все должны уметь!

Стали думать, что мы можем? Ну, песни туристские мы орать можем, облако Толя Бураков играет на баяне, а Слава на гитаре. Эти инструменты в школе есть. Шумков использует барабан, Жора - ложки походные в качестве кастаньет. Галя Рязанова и Зоя Шилова четыре года занимаются в гимнастической секции: они даже спортивное трико прихватили с собой.

-.. Пусть покажут кой - чего, решили мы. Жора у нас известный «ботало» - будет конферансье. Фая будет петь соло. Слава с Толей придумали какие – то шуточные номера. В общем, экспромтом насобирали всякую всячину. Я даже сделал «доклад» о туристах: кто они такие, что едят, что пьют, и куда бредут, что ищут, хотя ничего не потеряли...

Концерт, к нашему удивлению, прошел хорошо, в нас даже не кидали гнилые яблоки и помидоры. Наверное, их у них попросту не было. В школу набилось полно ребятишек, даже взрослые родители пришли. Провожали нас очень тепло, еще приглашали. Ну уж дудки! Наши артистов!

«ПАЧЕ,РУМА!»

Здравствуй, друг! Из Бурмантово лесовозные дороги идут в основном вдоль Уральских гор. Ведь там, на склонах гор растут хорошие хвойные леса. А нам надо на северо- восток. Там, среди бесчисленных болот, озер, лесистых грив, рек и речушек разбросаны на десятки и сотни верст редкие поселения манси. Даже на мелкомасштабной карте Свердловской области, которой мы пользуемся, редкие кружочки с надписями: Юрта Анямова, Юрта Бахтиярова, Юрта Курикова, Изба Самбикдаева... Мы берем азимут на юрту Анямова. По карте она на ручье Лемья, притоке Верхнего Пельма. Используем где - то след оленьих нарт, где-то тропим лыжню. Адский труд! Узкие лыжи проваливаются в снег по колено. Солнечно, морозно. И вдруг на чистой гриве колышет большое серое пятно, с переплетенными сухими сучками. Да это же стадо оленей! Вот отделилась от стада маленькая фигурка человека и быстро бежит на широких (не то, что у нас!) лыжах к нам.

-Паче, рума! И мы хором дружно отвечаем: -Пачаче, пачаче! Человечек удивленно глядит на нас: откуда такие взялись? Мы с неменьшим интересом и удивлением вылупились на оленевода: ростика небольшого, одет в легкую меховую рубаху (мехом вовнутрь). На ногах высокие унты. Голова открытая. Лицо безбородое, без морщин. Иссиня - черные волосы заплетены в две косички и перевязаны красными лентами. Кто это? Он или она? По всем повадкам должно быть мужик, но косы с ленточками - вот что нас смущает. Черные угольки глаз насмешливо смотрят на наши сомнения.

-Юрта моя по болоту ходи, нет далеко. Жди нас. Значит, мужик. Это «недалеко» нам показалось километров пять... Наконец, на высоком на высоком берегу речушки видим чум и дымок над ним. Карбакаемся вверх. Чум летний, берестяной. Рядом - деревянная полубаня или полужемлянка. Это зимнее жилище - юрта. Заглядываем в чум: топится печка железная, возле нее согнулась фигурка в малюшке. Что-то она делает с меховыми шкурами. Это женщина-мужчина не будет заниматься постыдным для себя делом -шить одежду. Он - добытчик! Но почему она такая маленькая, еще девочка, а уже делает тяжелую работу? Наши девицы уселись возле нее и пытались разговорить - напрасно. Она не знает русского языка. Объяснялись больше жестами и мимикой. Выведали, что ей уже 50 лет. Вот так «маленькая девочка»! То ли она дальняя родственница, то ли вторая жена Петра... Каково-то ей зимой в легком берестяном чуме!

Приехали на оленях Анямовы. Зовут хозяина Петр. Он - крещеный. У него, как и других манси, имена русские, а фамилии - родовые. Только молятся они своим, языческим богам. В потайном месте молятся, делают жертвоприношения. Одна из вершин так и называется: Молебный Камень.

Заходим в жилище. Почему-то оно названо тюркским именем: юрта. Вообще-то тут сплошная чехарда в названиях гор и рек. Манси называют горы: ИЗ, а коми - НЕР, ханты- по- своему. Когда спрашиваешь: чем отличаются манси от ханты? Даже ученые умные мужи затрудняются ответить. Те и другие охотники, оленеводы, рыбаки. Язык у них сходен, живут в юртах и чумах, даже столица у них общая: Ханты-Мансийск. А поди ж ты - друг с другом не дружат. Не роднятся они меж собой.

Даже манси делятся на рода: МОСЬ ПОР. Анямовы относятся к роду МОСЬ. Взять жену они могут только из рода ПОР.

Итак, мы в юрте. Правая половина - мужская. Низкие нары застелены оленьими шкурами. Наши девушки, (вот ведь как их «испортило» равноправие),прямоком было направились на нары в передний правый угол. Хозяин твердой рукой остановил их и указал на левую женскую половину около дверей. Обиженно поджав губки, они уселись на низенькую скамеечку. А мы, мужчины,

развалились на теплых шкурах и пожирали куски жирной оленины. А девушки ждали, когда им что - то отколется от хозяйки. Между • в мужском углу появилась заветная фляжка с «огненной водой». Пили экономно, пробочкой от фляжки. Хозяин после каждой «пробки» спрашивал: -Емас?

Надо было отвечать:

-Сака емас! Что означало:

-Очень хорошо! Вот наши первые «познания» мансийского языка.

Оттапливается юрта ЧУВАЛОМ на женской половине. Чувал чем-то отдаленно напоминает камин. Представьте себе ствол винтовки без затвора. Ствол-труба делается из прутьев лозы и обмазывается глиной. В расширенную Полуоткрытую часть ствола ставятся вертикально дрова. Тепло и свет! Тут же вешается котел с пищей или чаем.

А между тем в мужской половине в перерыве между «емас» и «сака емас» идет неторопливая беседа. Мы записываем названия предметов, местности, легенд и песен на мансийском языке. -А куда вы дальше пойдете? -На Чистоп.

-На Чистопку? Ай, не ходи! Ай, худая гора!

Мансийское название горы - Сисуп. Есть предание: вершина горы во время всемирного потопа не была залита водой. Здесь сохранилась сухая площадка, на которой спаслись пять мансийских семей. Среди них был и грудной ребенок. Плач его был слышен в любом конце площадки. Поэтому главную вершину назвали НЯВРАМ-ЛЮНЬСИМ-СЯХЛ-АЛА, что значит: «вершина горы, где плакал ребенок». Вершина хребта Сисуп (русское название Чистоп) напоминает собой спину лошади (СИС - спина), а его самую высокую вершину назвали ЛУВ-СЯКВУР, что значит «лошадина титька». Значит, племена манси знали и лошадь. Не на оленях же они кочевали в Европу! Да и в районе Чусовой и Тагила ягель не растет.

Итак, мы удобно расположились спать на оленьих шкурах в юрте, а наши обиженные девушки, прихватив спальники, подались в берестяной чум, к бедной родственнице. А может, из-за стервы первой жены ей приходится несладко. У манси такой закон: если умер брат, его жену обязан взять старший или младший брат.

Утром мы продолжили свои записи, потом переоделись для фотографии в мансийскую одежду. С крутого бережка Лямьи манси с хохотом и визгом катались на наших лыжах. А мы с удовольствием осваивали ихние камусные лыжи.

От Лямьяпауля до Суеватпауля Анямов великодушно погрузил девушек и рюкзаки на две упряжки оленей, а мужики (какое блаженство без рюкзаков!) бежали вслед за нартами. В Суевапауле брат Петра пригласил ночевать в свою юрту, но тут возник «бунт на корабле». Девы наотрез отказались идти в юрту:

-Такого унижения мы не потерпим больше! А мы посмеиваемся: -В юрте «емас» и «сака емас»! Но в душе мы сочувствовали им. Тем более на «емас» у нас осталось мало спирта. Приютили нас геологи: у них большая палатка с печкой. Даже лишние спальники нашлись.

Даешь Чистопку!

Ясная, морозная погода. На востоке, вдаль на горизонте, высится огромный, протянувшийся на 30 километров, горный массив Чистопского хребта. Он стоит особняком от Главного Уральского.

Теперь начинается самая трудная часть похода. Рассчитывать на поселения и избышки не придется. Тяжело. Замерзшие болота, возвышенности, «гривы» с чахлым лесом. Небольшие речушки журчат под снегом. Однообразие и безмолвие вдруг взрывает треск крыльев тяжелых птиц. Пересекая заболоченный березовый лес наступили на норы ночевавших под снегом стаи косачей. Рас-терянно палит из своей «пукалки» - малокалиберки в след улетающей дичи Толя Шумков. Да где там! Хоть он перворазрядник по стрельбе, да не каждый охотник из ружья может подбить неожиданно поднявшуюся и пулей летящую в лесу птицу. И тут Слава наступает на лунку в снегу. Прямо под лыжами бьется зазевавшаяся птица. Слава лихорадочно бьет ее лыжной палкой и о! Удача!! Тетерев в руке торжествующего парня. Не буду описывать, сколько шуток и пожеланий было высказано сконфуженному капитану и его злополучной винтовке. На ужин у нас будет суп что надо!

После пересечения реки Лозьвы лес становится гуще. Сосна и ель перемежаются с березой. Начинается крутой подъем по просеке. Местами приходится снимать лыжи и карабкаться вверх по обледенелым камням. А солнце скрывается за гребнем горы. Ясно, что мы сегодня не успеем подойти к подножью Чистопа. На пути стоит гора Верблюжья. Ее, почему-то называли еще Темной. Высота 518 метров. На вершине стоят мрачные скалы, да еще редкие корявые одиночные кедры и

кривые березы. Место угрюмое, какая то гнетущая тишина. Тяжелые лиловые тучи клубятся между гор. Лагерь выбираем между двух базальтовых глыб: если будет ветер, все-таки защита. Как обычно, разгребаем снег, стелем слой кедрового лапника под палатки. Из сухих кедров ярко пылает костер. Меняем лыжные ботинки на валенки. В ведре аппетитно булькает несчастный косач, кто-то рубит топором заледенелый хлеб. Усталые, разморенные едой расползаемся по палаткам. А на душе как-то беспокойно, жутковато. Ночью вижу сон: на палатку навалился медведь, душит меня. Пытаюсь кричать - не получается крик. Рядом тоже стонут и ворочаются товарищи. Оказывается, ночью пошел густой, мягкий снег, завалил палатку, старые пеньковые оттяжки не выдержали снежной массы и лопнули. Кое-как^ выбираемся из-под завала, укрепляем палатки, но сон уже беспокойный.

Утром спускаемся с нашего «верблюда» и по долине ручья Тосемья начинаем трудный подъем на хребет Чистой. Елово-сосновый лес сменяется кедровым поясом, затем пошло березовое криволесье. Все. Дальше голый чистый склон горы. Недаром русские называли гору Чистоп, что значит «чистая». Короток январский день. Солнце медленно скатывается за хребет. Что делать? Спускаться вниз, в кедрач - терять высоту и время. А вершина, вот она, кажется, совсем близко! И команда поддерживает капитана:

- Штурмуем!

А штурм горы всеми предписаниями и инструкциями в ночное время запрещен. Узнает МКК - дисквалифицирует! Оставляем у границы леса лыжи, рюкзаки. Натягиваем на лицо шерстяные маски, лыжные палки в руки и вперед! Под ногами фирновый снег, щебенка, даже своего следа не видно. Подъем идет уступами: крутой склон, наклонная терраса, опять крутой склон. Солнце упало за гору. А впереди маячит остроконечная вершина. У русских она называется Острая Сопка, а у манси - Лошадиная Титька.

По долинам и ущельям ползет густой мрак и туман. Над вершиной ярко горит «вечерняя звезда»- Аврора- планета Венера. Это наш маяк.

Мороз далеко за тридцать. Хорошо, хоть нет ветра. Наконец, последний взлет и мы на вершине! Ночное ощущение неповторимо! На северо - западе тянется Главный Уральский хребет. На фоне черного неба, в 25 километрах от нас белеет снежный купол горы Отортен. Там на вершине наши земляки -студенты УПИ, группа Дятлова.

Быстро в деревянной пирамиде находим каменный тур и банку с запиской пермских туристов и оставляем свою. Это доказательство того, что мы были на вершине - нужно для отчета. Последний раз окидываем взглядом горную ночную страну. Но что это? Над Отортеном, прорезая ночную мглу, взмывает сигнальная ракета. Жилья в том районе нет. Неужели политехники празднуют восхождение? Так ведь они там должны быть несколько дней тому назад! Задумываться некогда - мороз поджимает. Бегом вниз к лесу наугад. Хорошо, что нет опасных спусков. Но и следов наших не видно. Подбежали к лесу в полной темноте. А где искать наши рюкзаки и лыжи? Влево или вправо? Разбиваемся на группы. Фонарики на таком морозе не горят. Наконец, у одной группы вдалеке вспыхивают огоньки от спичек. Рюкзаки найдены, мы спасены! Спускаемся в кромешной темноте вниз, в кедровый пояс. Там дрова, там жизнь! Но что значит спускаться вниз по крутому склону в темноте? Ужас! Это надо испытать! Только разъедешься и - бряк... Кто-то опять лежит головой в снегу. Только бы не сломались лыжи!

Наконец, кедрач. Расползаемся вокруг, ощупывая каждое дерево - надо найти сухарину. А фонарики, проклятые, не горят на морозе! Но вот крик: -Есть сухое дерево!

Звенит пила. Вспыхивает костер. Теперь при свете огня готовим дрова, разгребаем снежную яму под палатки, ломаем лапник, вешаем ведра со снегом на огонь. Вот теперь можно оттирать примерзшие ботинки от носок, а носки от ног с помощью спирта. У некоторых озноблены пальцы. Медику хватает работы. Слава богу, серьезных обморожений нет. А вот и ужин готов! Все обулись в сухие теплые валенки, согрелись у костра. Мужики вопросительно смотрят то на завхоза, то на капитана:

-А емас будет?-

-Ос емас орул!- пожалуйста, заслужили.

«Тихо над тундрой шуршит снегопад, сучья трещат на огне» - задумчиво, глядя на костер, начинают девушки.

«В эти часы, когда все уже спят, что вспоминается мне...» - подхватывают мужские голоса:

- «Снег, снег, снег, снег, - по берегам замерзающих рек, снег, снег, снег...». В этот вечер пели и про костер догорающий, про уральский край, про геологов, про альпинистов, песни Визбора, да и про откровенно уголовную лирику. В те

годы еще мало собственно туристских песен. Пели все. Как будто и не было такого трудного дня.

Назад, к вину и куреву, житью культурному Скорее нас, начальник, отпусти ... Спускаться решили на север, по долине речки Чопорья - притока Ушмы. -Эх, и прокатимся по этой речке до самой Лозьвы, - вглядываясь в карту, мечтали мы еще в Свердловске. Разметались! Только спустились в каньон ручья - провалились по «пятую точку» в рыхлый снег. Пришлось проложить широкую глубокую канаву в снегу, пока не свалились в долину реки Ушмы. Здесь стало полегче - снег поплотнее. Вдруг впереди замелькали серые точки.

- Собаки! - обрадовалась мы. Значит, и охотник рядом. Прибавили ходу. Но, странно. Собаки вдруг исчезли. Что - то темнеет на крутом берегу. Ох, да ведь это зарезанный волками лось! Внутренности еще дымятся. Из последних сил пытался он выскочить на крутой берег от серых хищников, но берег оказался слишком крут. Весь снег вокруг полит кровью и утопан зверями. Мы с сомнением поглядели на мелкашку капитана, настроение упало. Двинулись дальше. Пусть доедают лося, лишь бы на десерт волкам не захотелось человечины. Отойдя километров пять, Шумков вдруг заявил:

-Лось ведь зарезан волками. Надо было отрубить ногу. Поели бы мяса.

Но кто-то ехидно заметил:

- У тебя винтовка, вот ты и иди, отруби кусочек, а мы тебя здесь подождем.

Но что-то капитан кисло посмотрел на нас и двинулся дальше. Пора искать место для ночлега. На этот раз решено было дежурить ночью, палить костер, не в дремать. Серые «собачки» навевают тоскливое настроение.

Утро выдалось морозное. Когда тропишь лыжню с тяжелым рюкзаком, тепла хватает. Ушма впадает в Лозьву. Эта река берет начало на Оторгене, имеет быстрое течение, но снег на реке плотнее. По берегам то слева, то справа торчат скалы. Но вот начинается ущелье. То тут, то там дымятся промоины. Опасно идти и на берег не вылезешь! Отвязали от палаток веревки, обвязали капитана и пустили проверять прочность перемычек. Сплошная авантюра -разве выдержат пеньковые веревки при таком течении, если человек провалится под лед? Вот он идет между полыньями, ударяет лыжными палками то влево, то вправо - проверяет прочность льда. Все затаили дыхание. Прошел! Следующий. Такова доля руководителя группы, такова «привилегия» - где опасно, идти первым.

Но « ЧП» все же случилось. Света Шметтер одной ногой провалилась под лед. Пока ее вытаскивали, пока переобували в сухой носок, она все же успела обморозить ногу. Костер развести негде - скалы слева и справа. А впереди маячат огоньки - жилье близко! Из последних сил бредем к первому барaku. Все в инее, сосульки под носом. Нас услышали, люди выбежали, снимают с нас лыжи, рюкзаки, ведут в жарко натопленный барак. Оказывается, на дворе 38 градусов! Еле стаскиваем с себя заледенелые шлемы, лица, слава богу, не обморожены. А вот носки пришлось оттирать от ботинок горячей водой. Первая степень - ознобление пальцев ног почти у всех. Хуже всех у Светы -обморожение правой ступни. Потом она даже лечилась в Свердловске, в больнице.

Мы попали в поселок лесорубов. Здесь живут расконвоированные ЗЭКи, те, кому запрещено после «отсидки» жить в обычных поселках и городах. Мы этого не знали, вместе с ними пели и танцевали. Они в бараке все были навеселе, угощали нас, но мы были пьяны от усталости и от тепла. Все же три подряд холодные ночевки дали знать. Пели с ними блатные песни про «мурку», про «фрайера Соловьева», который их на Саян завербовал, а они просились «к вину и куреву, житью культурному», и прочие песни из уголовного репертуара. Они не знают, что мы поем, а мы как можем подпеваем им. Ввели себя непринужденно.

Утром уезжал на лошади, с санями, в Ивдель, начальник лесоучастка. Он забрал с собою Свету Шметтер, наши рюкзаки и лыжи. А нас устроил на лесовоз, верхом на бревнах, и думали только о том, как бы не замерзнуть, как бы не раздавили бревна. Но ничего! Приехали живые в Ивдель. Ивдель - самый северный город в нашей области. Город молодой, возник как центр лесной и деревообрабатывающей промышленности. Городом стал во время войны отдельных лесоучастков и всякого переселенческого люда. Город нам не понравился, ну да это не главное. Главное, что здесь подходит железная дорога. Славу Сердитых и Толю Буракова послали в магазин. Но что - то их долго нет! Но вот они появляются в сопровождении милиционера. В магазине их разом арестовали: в рваных телогрейках, грязных подшлемниках, обросшие вульгарной щетиной, закопченные, они действительно походили на сбежавших заключенных. При них не оказалось никаких документов. Пришлось доказывать, что они из нашей команды. Поезд отстукивает километры. Домой! Домой!! Домой!!!

Уйдут назад недели, дни и ночи,

Но ни дела, ни долгие года,

Про дым костров тяжесть переходов
Забуть нас не заставят никогда.
Так вспомним же завалы снежные,
Застывший лес и лыжню на снегу:
Когда с тобою, друг надежный,
Плечом к плечу мы шли в тайгу.

Трагедия на Северном Урале.

В поезде, уже подъезжая к Нижнему Тагилу, мы услышали первую тревожную весть: не вернулась группа туристов - политехников с Отортена, хотя уже прошли контрольные сроки. Они вышли на неделю раньше нас. Приехав в Свердловск, мы сразу же побежали в городской клуб туристов, где уже был создан штаб по поиску группы. Мы находились в это же время всего в одном дневном переходе от них. Но мы ничего подозрительного, кроме сигнальной ракеты не видели. Нам сказали, что охотник - манси обнаружил на горе Солат Сяхла (Горе Мертвецов), перед главной вершиной Отортен, полузасыпанную снегом палатку. Скот палатки разрезан ножом. В палатке незаконченный ужок ботинки, теплые вещи, но никого нет! Была сразу же создана поисковая группа во главе с опытным мастером спорта Евгением Масленниковым. В Нижнем Тагиле она пополнилась группой Славы Карелина, возвращавшегося с Денежкиного Камня. В группе был и наш земляк, Володя Скутин, студент третьего курса геофака. К ним в вертолет сели военный прокурор, товарищ из КГБ.

Гора, которую манси зовут Солат - Сяхл - Гора мертвецов, пользовалась дурной славой. Здесь как - то непонятно отчего погибли девять Охотников - манси. Разбился вертолет на этой горе - погибли девять человек. Студентов - политехников тоже было девять. Спустя тридцать лет наша группа из Артемовского проходила через Отортен, когда мы шли в верховья реки Печоры, на Мань - Пупы - Нер. Ничего особенного вершина не представляет. Поиски начались. Вертолет Патрушева заметил два трупа у границы леса. Стали копать. Открылась ужасная картина. Двое погибших лежали у плохо разведенного костра, раздетые до нижнего белья. В 300 метрах от них откопали Игоря Дятлова, он полз к палатке, и умер, с тоской глядя в ее сторону. На теле не было никаких повреждений. Метрах в 150 был найден еще один труп. При вскрытии позднее была обнаружена трещина головы без повреждения кожи. Ближе всех к палатке нашли труп Зины Колмогоровой. Как говорит Слава Карелин, при вскрытии у нее оказалось необыкновенно большое сердце. Она не доползла до палатки всего какую-то сотню метров. Если бы ей это удалось, может, помогла бы и другим. Загадку представляют три трупа в стороне от костра: они погибли от ужасных повреждений: переломанные ребра, пробитые головы, кровоизлияния. Но как могли появиться внутренние повреждения, не затронувшие кожу? Остальных погибших ребят откопали весной, когда начал таять снег.

Что же произошло? Есть несколько версий, но какая бесспорна? Со всех участников поисков, с вертолетчика и с врачей была взята подписка о неразглашении тайны, а все происшедшее не обсуждать.

В паническом ужасе, разрезав палатку ножом, туристы бросились бежать по склону. Не туда, по следу, где они оставили в лесу лишние одежду и продукты, сделав в лесу склад, а куда глаза глядят. Скорее, глаза то у них и не глядели. Нам удалось вытянуть у Славы Карелина, несмотря на подписку: - Я глубоко убежден, что они бежали слепые и с обожженными лицами.

Подняться на вершину горы они не успевали до темноты и решили поставить палатку на открытом склоне. Поужинали, разделись и разулись, приготовились ко сну. В рассекреченном уголовном сохранилось заключение, что ни установка палатки, ни сам пологий 15-18 градусный склон не представлял угрозы. И тут произошло что - то страшное! Кто был босиком (переобувался), кто в носках, кто в одной ботинке, бежали в панике вниз. Цепочка следов то расходилась, то снова сходилась. К палатке никто не подходил, не было следов борьбы или лавины. Мы сразу отвергли ту официальную версию, что нам сразу пытались вклинить: снесло лавиной или устроили кровавую баню манси. Какая там может быть лавина? Какие манси, эти приветливые, добродушные люди...

Скорее всего, это было испытание нового секретного оружия. Но почему тогда район не был закрыт? Васе Королеву, председателю Свердловской МКК, который утверждал и выпускал группу, друзья посоветовали поскорее уехать из города. А то будешь стрелочником, кто же должен ответить за ЧП!

В пользу испытания какого-то секретного оружия говорит и тот факт: Евгений Масленников вместе

с бывшим военным прокурором Л. Н. Лукиным, когда в мае искали остальные трупы, обратили внимание на тот факт, что некоторые молодые ели в этом районе обожжены каким-то сильным направленным лучом энергии, действующим избирательно. Но откуда у Коли Брюньона вмятина в черепе, глубиной 9 сантиметров? Не исключена и радиоактивная версия: счетчик Грейгера у того же Лукина зашкаливал! Опять же в том районе Масленников нашел 30 -сантиметровое кольцо от ракеты.

Вскоре в районе Горы Мертвецов погиб летчик - вертолетчик, искавший трупы, фотограф Ю. Яровой, снимавший все - погиб в автокатастрофе. Застрелился чекист в бане, летавший на место трагедии.

В феврале 1961 года в том же районе при странных обстоятельствах погибла еще одна группа туристов из Ленинграда. И вновь опять те же непонятные признаки страха: разрезанные палатки, брошенные вещи. На этот раз все 9 трупов лежат аккуратно вокруг палатки.

Новый, 1960, год мы, туристы встречали в доме полковника Куприянова, отца нашей сокурсницы Риты Куприяновой. Разговор невольно опять зашел о погибших политехниках. Был тут и Слава Карелин - участник поисков. Полковник сказал нам по секрету: когда все поисковики уехали с места трагедии, туда прибыли солдаты его полка. Вечером по рации сержант докладывает:

- Вижу, с горы катится огненный шар. Он делится на несколько шаров. Все это катится на нас. Что делать?

-Действуйте по обстановке.

-Принимаю решение: остаемся в палатке. Живы остались. Но - нервное потрясение.

Итак...

Поход закончен. Лыжи сданы на склад. Впереди нас ждут другие, более сложные походы. Наша команда распалась как - то сама. Четвертый курс после окончания института разъехались кто куда.

Больше никто с нами не ходил в походы, связи с ними нет. Слышали, что Слава Сердитых работает где — то на Дальнем Востоке научным сотрудником в краеведческом музее. С Жорой мы встретились на Камчатке через семь лет. Только с Шумковым мы еще ходили на Алтай, два раза на Тянь - Шань. А потом каждый год встречались со своими командами на Всесоюзном туристском слете « Европа — Азия». Он работал в Карпинске всю жизнь, организовал Клуб туристов « Тайга», стал мастером спорта по туризму. Но я уверен, что никто из нашей « десятки» не забыл этот поход.

Но в мире нет товарища надежней,

С таким пойдешь в любую глушь и даль,

С которым вместе, здесь, в глуши таежной

Делил покрытый инеем сухарь.

1958-1959гг. Январь февраль: На пути к г. Чистоп. Холодный обед. Слева направо:
Шумков А, Абрамова Фая, Владимиров М, Шметтер Света